

Старейшины различных ветвей клана в течение дня едва сдерживали своё нетерпение, но как только наступила глубокая ночь, они, более не в силах ждать ни секунды, немедленно отправили своих людей, чтобы те силой отобрали пилюлю продления жизни.

Инь Ихай и Инь Икун также не остались в стороне, приложив к этому делу немало тайных, теневого усилия.

- Хм.

Инь Икун, по крайней мере, сумел занять второе место, в то время как Инь Ихай вылетел из соревнований ещё на предварительном этапе, не заняв вообще никакого места в итоговом списке.

Для него, с его амбициями, это стало величайшим, невыносимым позором.

- Ну и что, что тебе случайно подвернулась удача? - глядя в непроглядную ночную мглу за окном, процедил сквозь зубы Инь Ихай. - Посмотрим, хватит ли у тебя жизни, чтобы ею воспользоваться!

Старейшины всех ветвей семьи послали своих людей, и теперь каждый из них полагался лишь на собственные способности и хитрость в отчаянной попытке заполучить пилюлю продления жизни.

Инь Ихай и Инь Икун же стремились завладеть тем самым призрачным шансом, который внезапно обрел Инь Цичи.

Да, они тщательно и досконально изучили Инь Цичи. Тот всегда считался посредственностью из посредственностей; он годами занимался культивацией, но неизменно оставался на низшей ступени стадии Пробуждения ци, оказываясь совершенно не в силах совершить прорыв.

Как он мог в одиночку, одним махом превзойти всех остальных потомков семьи Инь?

Разве могло существовать иное объяснение, кроме как обретение невероятной, почти божественной удачи?

Столько лет подавляемый и унижаемый, он, стоило ему однажды подняться, не смог сдержать своего тщеславия и выставил себя напоказ во время внутренних соревнований клана.

Очевидно, что Инь Цичи - просто глупец, не знающий меры.

Инь Ихай думал: будь он на месте Инь Цичи, он бы ни за что не стал действовать так открыто и вызывающе, а предпочел бы медленно и осторожно плести интриги в тени.

По крайней мере, он сначала нашел бы себе влиятельного покровителя среди старейшин, обладающих реальной властью, и лишь после этого начал бы постепенно демонстрировать свои способности.

Впрочем, сейчас всё сложилось даже лучше.

Это означало, что та удача всего лишь ждет своего истинного, достойного хозяина.

И кто, если не он, Инь Ихай, достоин её по праву?

Подумав об этом, он холодно отдал приказ:

- Отправьте еще людей.

- Слушаюсь!

Телохранитель почтительно поклонился и вышел из комнаты, после чего быстро собрал отряд и бесшумно, словно тень, направился к небольшому дворику, где жил Инь Цичи.

Инь Ихай ни за что не допустит, чтобы эта удача досталась Инь Икуну!

Иначе в будущей, неизбежной борьбе за власть у него не останется ни единого шанса на победу.

Как назло, Инь Икун в этот самый момент думал точно так же.

Несколько отрядов одновременно двигались к жилищу Инь Цичи, настороженно поглядывая друг на друга и источая тяжелую, почти осязаемую враждебность.

Сегодня ночью собралось немало людей, многие из которых были могучими практиками второй стадии Сокровенной Пустоты, и каждый из них считал, что его главный соперник – это все остальные присутствующие.

Что же касалось Инь Цичи?

Если тот посмеет оказать хоть какое-то сопротивление, его можно будет раздавить одним единственным пальцем.

Если бы всё шло своим чередом, события развивались бы именно так, как они себе представляли в своих расчетах.

Однако... произошла небольшая заминка.

Когда люди приблизились к дворику Инь Цичи, они увидели незнакомого юношу, который спокойно стоял на стене.

Он не излучал своей мощи, не пытался подавить их аурой, однако при первом же взгляде на него становилось ясно: это отнюдь не обычный человек.

Он был окутан призрачным лунным светом, и когда он поднял глаза, глядя на них, первое впечатление было таким: перед ними стоит знатный господин из какого-то великого клана.

Тем не менее инстинкты, отточенные годами практики, непрерывно посылали им сигналы тревоги:

«Опасность! Этот человек невероятно опасен!»

После короткой, напряженной паузы кто-то заговорил, используя весьма вежливый и сдержанный тон:

- Смею спросить, кто вы такой?

Однако некоторые из тех, чья культивация была невысока или чья чувствительность притупилась от самоуверенности, не сочли Цзян Ханья кем-то выдающимся.

Впрочем, они не были совсем уж глупцами: видя, что могучие практики стадии Сокровенной Пустоты ведут себя так учтиво, они с трудом подавили свою спесь и сухо, с вызовом произнесли:

- Убирайся прочь, не мешай нам вершить семейные дела.

В этих словах всё еще сквозило неистребимое, глубоко укоренившееся высокомерие.

Семья Инь обладала огромной властью в городе Байвэй, и если бы не осторожность практиков стадии Сокровенной Пустоты, они бы уже давно пустили в ход кулаки, не тратя слов.

Разве стали бы они так любезно уговаривать его уйти?

Однако, даже несмотря на то, что они считали себя крайне вежливыми и оказывающими незнакомцу великую честь, юноша продолжал хранить молчание.

Он лишь медленно поднял глаза, а затем плавным движением вытянул из ножен длинный меч, лезвие которого мгновенно отразило холодный, мертвенный лунный свет.

Поняв, что добром дело не кончится и переговоры бесполезны, тот самый вежливый практик

стадии Сокровенной Пустоты принял мгновенное решение: он выхватил длинный нож и с криком бросился навстречу.

Остальные, не раздумывая, последовали его примеру, стремительно окружая Цзян Ханья.

Но некоторые оказались хитрее и расчетливее: воспользовавшись тем, что основная часть людей атаковала Цзян Ханья, они попытались тайком пробраться внутрь, чтобы схватить Инь Цичи и забрать пилюлю продления жизни.

Телохранители, посланные Инь Ихаем, думали точно так же, только их единственной целью было заполучить для своего господина ту самую удачу Инь Цичи.

Что же касалось того незнакомого юноши, то они полагали, что совместной атаки нескольких практиков стадии Сокровенной Пустоты будет более чем достаточно, чтобы быстро с ним разделаться.

Он не заслуживал их серьезного беспокойства.

«Быстрее! Быстрее! Быстрее!»

Нельзя позволить другим опередить себя и забрать добычу!

Однако в тот самый миг, когда они, мощно оттолкнувшись от земли, перепрыгнули через стену двора, они почувствовали резкую, пронзительную боль в затылке, словно их с огромной силой ударили тяжелым тупым предметом.

Затем перед глазами мгновенно потемнело, и они один за другим потеряли сознание.

Самый сильный из них находился лишь на стадии Сокровенной Пустоты – что означало целых две великие ступени ниже, чем Цзян Ханья.

Разобраться с ними не составило для него никакого труда.

Он даже не обнажил лезвие своего меча, справившись со всеми противниками одним лишь эфесом.

Цзян Ханья бросил последнего потерявшего сознание человека в угол стены, легко спрыгнул вниз и оказался во дворе.

Он медленно пошел вперед и негромко, но отчетливо произнес:

- Выходи.

Хотя Цзян Ханья справился с врагами быстро, поднятого шума всё же хватило, чтобы

привлечь внимание Инь Цичи.

С лицом, полным настороженности и тревоги, Инь Цичи осторожно вышел из комнаты, но не успел он произнести ни слова, как ему навстречу полетели два нефритовых флакона.

Цзян ХаньЯ спокойно сказал:

- Пилюли для лечения ран и пилюли для восстановления энергии. Прими обе.

Инь Цичи поймал флаконы. На его лице на мгновение отразилось глубокое сомнение, но рука уже привычно открыла пробку, и он высыпал пилюли из одного флакона.

Даже если он совершенно ничего не смыслил в алхимии и редких снадобьях, Инь Цичи кожей чувствовал, что в его руках оказалось нечто невероятно ценное. Один лишь тонкий, едва уловимый аромат, исходящий от пилюль, мгновенно дарил ему ощущение бодрости, прилив сил и удивительную ясность ума.

Однако в этот самый момент система межмировой торговли внезапно выдала новое задание, а следом, почти мгновенно, сообщила, что оно уже выполнено, начислив на счет пятьсот баллов. Пилюли в руке Инь Цичи исчезли без следа, словно их и не было. В одно мгновение пропали даже нефритовые флаконы.

- Настоящий грабеж среди бела дня! - Инь Цичи от злости невольно, горько усмехнулся.

Цзян ХаньЯ, увидев эту странную реакцию, не стал задавать лишних вопросов, а просто, коротким движением, бросил ему еще один нефритовый флакон. На этот раз Инь Цичи даже не успел коснуться пробки, как система межмировой торговли с жадностью «всосала» артефакт в себя.

Инь Цичи: - ...

Цзян ХаньЯ: - ...

Оба погрузились в короткое, тяжелое молчание.

Цзян ХаньЯ немного поразмыслил, а затем медленно направился к Инь Цичи.

На лице Инь Цичи в этот миг промелькнула целая гамма противоречивых эмоций: от глубокой

настороженности до легкого испуга. Однако, несмотря на тревогу, взгляд его был намертво прикован к двум изящным прядям волос, свисающим у Цзян Ханья на грудь. Золотые заколки скрепляли черные, словно вороново крыло, волосы, которые едва заметно и плавно покачивались при каждом его движении.

[«Есть еще портреты из детства? Дай-ка посмотрю... Оказывается, ты, женушка, начала так укладывать волосы только после двадцати, а до этого носила косички, какая прелесть... Позволь мне помочь тебе причесаться, м?»

«М-м, а заколки еще на месте?»

- Проваливай, - Цзян Ханья слабо поднял глаза и посмотрел на Инь Цичи.

Хотя в его взгляде отчетливо читалась ярость, голос звучал совершенно безжизненно.]

Инь Цичи, вспоминая детальные описания из книги, невольно согласился с прочитанным.

И в самом деле - истинная прелесть!

Тот Инь Цичи из книги был тем же самым Инь Цичи, и его эстетические предпочтения в полной мере совпадали с предпочтениями Инь Цичи из реальности.

Пользуясь функциями системы наблюдения для обнаружения тех, кто тайно шпионил за ним, Инь Цичи потребовалось всего два дня, чтобы окончательно установить личность этого человека:

Цзян Ханья.

В конце концов, у семнадцатилетнего Цзян Ханья имелась одна весьма характерная, приметная особенность.

Не достигший еще возраста полного совершеннолетия, он носил две маленькие косички. Это подчеркивало его статус несовершеннолетнего в рамках традиций.

По сравнению с тем, как Цзян Ханья был описан в книге, в реальности он выглядел куда более юным и неопытным.

Благодаря наблюдению с самых разных ракурсов, Инь Цичи также заметил, что на лице Цзян Ханья всё еще сохранилась легкая, едва заметная детская припухлость щек.

Обнаружив эту очаровательную деталь, Инь Цичи немедленно предпринял следующие действия:

Он сделал четкий скриншот и добавил его в слайд-шоу для фона рабочего стола.

До этого момента фоном экрана системы межмировой торговли всегда служил скучный стандартный геометрический узор, и Инь Цичи было слишком лень его менять, пока он не обнаружил существование Цзян Ханья.

Всего за несколько дней заставка сменилась семь или восемь раз.

А позже он и вовсе настроил автоматическую динамическую смену слайдов.

Ничего не поделаешь, юноша был действительно слишком хорош собой.

Если отбросить эти забавные подробности, то за прошедшее время наблюдений Инь Цичи выяснил, что в эти места приходит только один Цзян ХаньЯ.

Сопоставив увиденное с поведением юноши за последнее время, Инь Цичи вспомнил ту самую «честную дуэль», которая была описана в книге.

Как бы это выразиться... этот молодой господин с самого рождения был истинным баловнем судьбы и обладал той непоколебимой гордостью, что подобает избраннику небес, поэтому он искренне презирал любые методы сильных, притесняющих слабых.

Особенно же в этом своём последнем противостоянии он во что бы то ни стало стремился одержать победу честно и открыто, желая доказать самому себе и окружающим некое своё «мастерство боевого пути».

Инь Цичи же был совершенно иным человеком. Если это могло помочь ему одержать верх, он был готов использовать любые, даже самые грязные и предосудительные средства.

Мастерство боевого пути?

Что это вообще такое? Поможет ли оно мне быстро, точно и максимально жестоко прикончить противника?

Нет?

Тогда это совершенно неважно.

Однако, возможно, под неосознанным влиянием Цзян ХаньЯ или по какой-то иной, неведомой причине, во время той финальной дуэли Инь Цичи действительно добровольно отказался от использования всяческих хитроумных приспособлений, решив сразиться честно, полагаясь исключительно на собственные силы.

На самом деле, уровень развития Инь Цичи и Цзян ХаньЯ был практически идентичен; их «бумажные» показатели, если так можно выразиться, были равны. Но Инь Цичи оказался куда более отчаянным и безжалостным, нежели Цзян ХаньЯ. Он без малейших колебаний применял приемы, которые наносили ему самому восемьсот единиц урона, зато врагу - целую тысячу. К тому же каждый его удар был нацелен исключительно на убийство.

Цзян ХаньЯ принадлежал к так называемой «академической» школе, в то время как Инь Цичи был самым настоящим, закаленным в боях практиком. Поэтому, даже при равном распределении сил, в конечном итоге Инь Цичи одержал победу, имея преимущество всего в

один единственный удар мечом.

А затем... он завладел тем самым шансом на успех, вознеся до ранга великого императора и просто забрал с собой Цзян ХаньЯ – израненного после дуэли и совершенно неспособного оказать сопротивление.

Система наблюдения показывала, что Цзян ХаньЯ, пришедший сюда в полном одиночестве, молча и пристально наблюдал за ним из своего укрытия. Очевидно, Цзян ХаньЯ тоже получил ту самую книгу. Именно поэтому он и явился сюда, чтобы отыскать нужного человека.

А что касается того, почему он не объявился сразу – скорее всего, он хотел лично проверить, соответствует ли реальный Инь Цичи тому описанию, что было приведено в книге.

На самом деле, с точки зрения прагматизма, это было «глупо». Если бы Инь Цичи оказался на месте Цзян ХаньЯ, он бы не стал так сильно заморачиваться: неважно, правдива ли книга, ведь куда лучше убить одного невинного, чем упустить опасного врага.

Клан Цзян обладал колоссальной властью, и Цзян ХаньЯ достаточно было лишь отдать один короткий приказ, чтобы с легкостью раздавить Инь Цичи.

Но он этого не сделал. Даже убедившись во всем, он не стал нападать в тот момент, когда Инь Цичи был совершенно беззащитен. Иначе, при его нынешнем уровне культивации, один внезапный, точный удар – и Инь Цичи не успел бы даже активировать систему межмировой торговли, чтобы в панике сбежать в другой мир.

Но Цзян ХаньЯ всё равно не стал этого делать. Напротив, он помог ему расправиться с агрессивными преследователями, а затем щедро одарил пилюлями для лечения ран и восстановления энергии Пробуждения ци.

Как бы это выразиться... чувство дежавю было невероятно сильным. Похоже, им снова предстояло сразиться.

Хм, почему он подумал «снова»?

Это было... так мило.

Инь Цичи едва не рассмеялся в голос от этой мысли. Но он вовремя сдержался, сохраняя на лице выражение крайней настороженности.

Цзян ХаньЯ знал о существовании системы межмировой торговли. Хотя в книге об этом упоминалось лишь вскользь, у Инь Цичи в целом не было к этой системе теплых чувств. Раньше Цзян ХаньЯ казался ему странным, но теперь, увидев всё своими глазами, он наконец понял истинную причину.

Можно лишь сказать, что у всего в этом мире есть свои плюсы и свои минусы.

Цзян ХаньЯ остановился прямо перед Инь Цичи и достал еще один флакон с пилюлями. Только на этот раз он не стал просто отдавать его в руки Инь Цичи, а властно произнес:

- Открой рот.

Инь Цичи не подчинился. Цзян ХаньЯ нахмурился и выпустил небольшую часть своей подавляющей ауры. Разница в их стадиях была слишком велика, поэтому даже от этой малости лицо Инь Цичи тут же побледнело.

- Если бы я действительно хотел причинить тебе вред, ты бы уже давно стал трупом, и мне не пришлось бы прибегать к лишним действиям, - холодно произнес Цзян ХаньЯ. - Открой рот, не заставляй меня повторять дважды.

<http://bllate.org/book/17943/1720821>